

6. Крадин. Империя Хунну... С. 241.
7. Он же. Общественный строй кочевников... С. 25-26.
8. Там же. С. 26.
9. Честь открытия этого механизма принадлежит американскому антропологу Р. Карнейро: Carneiro R. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. По мнению Н.Н. Крадина, в наиболее развитой форме он характерен больше для номадических, чем для оседло-земледельческих обществ, см.: Крадин. Общественный строй кочевников... С. 26.
10. Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии // ВДИ. 2006. № 1. С. 190.
11. Хазанов. Социальная история скифов... С. 238.

**Кориков Д.Г.
(Екатеринбург)**

Противосектантское направление вероисповедной политики Российской империи в 1861 – 1904 гг.

Одной из актуальных проблем российской истории пореформенного периода является история взаимоотношений государства с неофициальными религиозными движениями, попадавшими в то время с официальной точки зрения под категорию сектантства. Характерное для настоящего времени возрастание удельного веса и значимости религиозных объединений невольно сказывается на характере их отношений с государством. Отсюда - необходимость понимания российского опыта разрешения “религиозного вопроса”, осмысления достоинств и недостатков различных принципов взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В Российской империи вплоть до 1917 г. взаимоотношения государства с различными религиозными объединениями строились на конфессиональном принципе. Государство пыталось расположить эти объединения в некий иерархический ряд, в зависимости от близости к официальной идеологии. Принцип защиты единственно правильного вероисповедания и подавления любых других религиозных движений имел в рассматриваемое время давнюю традицию. Однако наравне с этой традицией существовал и начинал воплощаться совершенно противоположный ей либеральный, светский принцип государственно-религиозных взаимоотношений. Борьба этих двух принципов в сочетании с неудачной попыткой их примирения является характерной особенностью той эпохи.

Особенность эта достаточно сильно проявилась в попытках юридического решения проблемы старообрядчества и сектантства. Попытки эти начинаются с учреждения в 1858 г. Особого комитета из светских лиц для определения прав старообрядцев и сектантов. Деятельность его ограничилась подготовительными работами совместно с II отделением Собственной е. и. в.

канцелярии по сбору и систематизации данных о старообрядчестве и сектантстве. Тем не менее, комитетом были высказаны предложения о признании безвредными сект, признающих церковный брак и молитву за царя. Несмотря на скромный характер этих предложений, они подвели правительство к смягчению его вероисповедной политики, что разрушало лежащий в ее основе конфессиональный принцип.

Возобновление деятельности по урегулированию государственно-религиозных отношений относится к 1864 г., когда был создан новый Комитет под руководством В.Н. Панина, куда вошли уже не только светские, но и духовные лица. Главным вопросом, разбиравшимся здесь, была классификация сект. Было представлено три варианта их классификаций. Первые два варианта (выраженные министром внутренних дел П.А. Валуевым и II отделением Собственной е. и. в. канцелярии) носили относительно либеральный характер, так как допускали преследование только тех сект, в практике которых можно было усмотреть посягательство на жизнь человека (например, скопцов). Более консервативный вариант принадлежал Синоду, по которому критерий «более вредных» сект дополнялся рядом признаков из области вероучения. Признаки эти были следующие: 1. не признание Иисуса Христа Сыном Божиим; 2. допущение «человекообожания», т.е. чрезмерного религиозного почитания какого-либо человека (в особенности живого); 3. не признание церковных таинств и богоустановленности власти; 4. отвержение молитвы за царя; 5. отвержение брака или допущение временных супружеских союзов; 6. оскпление «на основании богохульного учения» (а не просто в силу возможности лишения жизни) себя и других (1). Именно этот консервативный вариант классификации сект и был утвержден. Данный факт свидетельствует о том, что консервативный принцип вероисповедной политики Российской империи мог воплощаться не только вопреки противодействию либеральной бюрократии, но так же вопреки государственным законам и экономическим интересам государства. Юридическое нарушение здесь было в противоречии той норме Свода законов, которая гласила, что «раскольники не преследуются за мнения их о вере» (2). Нарушение же экономических интересов здесь было в том, консервативный подход к классификации сект приводил к преследованию не только последователей так называемых сект, но и всех старообрядцев-беспоповцев. Однако умеренная часть беспоповцев традиционно занимала важное место в сфере торговли и стремилась нормализовать свои отношения с государством.

Такой путь решения проблемы сектантства был тупиковым. Консервативный принцип государственно-религиозных взаимоотношений в данном случае не доводился до конца. Либеральный же принцип был воплощен лишь в малой степени. Эта двойственность приводила к новой законодательной деятельности в религиозной области. В 1868 г. при министерстве внутренних дел была создана комиссия из представителей II Собственной е. и. в.

канцелярии, канцелярии Синода, министерств юстиции и внутренних дел для разработки и составления закона о браках сектантов и старообрядцев. Результатом ее работы стал закон от 19 апреля 1874 г. о метрической записи браков, рождения и смерти старообрядцев и сектантов. Ведение метрических книг возлагалось на полицейские управления (а не на духовенство, как было ранее). Доказательство прав представителей неофициальных религиозных направлений по происхождению и имуществу закон относил полностью к компетенции Министерства внутренних дел. Несмотря на свою светскую направленность, закон этот, однако, не привел к утверждению гражданских браков. Здесь в очередной раз была обнаружена двойственность вероисповедной политики российского государства. Тем не менее, сама эта двойственность становилась источником законодательных изменений. С принятием закона 1874 г. Государственный совет признал необходимым ускорить введение реформ в области «расколо-сектантства» (как было принято называть в то время различные неофициальные религиозные направления). С этой целью была создана Комиссия под председательством А.Б. Лобанова-Ростовского, состоявшая из чиновников различных ведомств. Центральное место в работе Комиссии вновь занял вопрос классификации старообрядческих толков и сект. Эксперт министерства внутренних дел П.И. Мельников отнес часть признаков «более вредных» сект, определенных Комитетом В.Н. Панина в 1864 г., исключительно к религиозной сфере и предложил не принимать их во внимание. Кроме того он не нашел фактов, подтверждающих существование сект, не признающих государственную власть. В результате, П.И. Мельников предложил отнести к категории «более вредных» сект только так называемых мистические секты (т.е. хлыстов и скопцов, как было принято тогда обобщенно называть различные неофициальные религиозные движения, отличавшиеся особыми экстатическими ритуалами и общей аскетической направленностью их образа жизни) и те секты, которые отвергали брак. Комиссия А.Б. Лобанова-Ростовского согласилась с доводами своего эксперта.

Позиция, занятая этой Комиссией, вызвала противодействие со стороны духовного ведомства. Синод привлек к решению данного вопроса свою группу экспертов, которые настаивали на сохранении старой классификации сект. Как и в случае с Комитетом В.Н. Панина здесь снова проявилась борьба двух мировоззренческих установок. Эта борьба имела не одно теоретическое значение. Противодействие Синода и православной иерархии тормозило процесс либерализации вероисповедной политики государства. Только в 1883 г. Александром III был утвержден закон, включавший большинство определений Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского. Однако этот закон по-прежнему не предусматривал признания старообрядческой иерархии (с вытекающими отсюда последствиями, как, например, разрешение старообрядцам строить свои храмы). Не разрешалось так же распространение каких-

либо неортодоксальных взглядов в печати. Либеральная тенденция проявлялась по-прежнему слабо.

Слабость либерального принципа в вероисповедной политике Российской империи отчетливо проявилась в отношении государства к так называемым рационалистическим сектам, к которым относили молоканство, духоборчество, баптизм, адвентизм, штундизм (под которым подразумевались различные протестантские течения, возникшие под влиянием немецких колонистов), толстовцев и последователей В.А. Пашкова. Консерваторы (в особенности обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев) рассматривали рационалистическое сектанство как чужеродное для России явление, результат влияния западноевропейской культуры. В силу этого Синод не делал отнюдь к этой разновидности сектанства даже тех малых уступок, которые он делал старообрядцам. Вплоть до 1905 г. рационалистическое сектанство всячески ограничивалось и преследовалось. Это можно проследить, например, в истории религиозной деятельности английского проповедника Г. Редстока и В.А. Пашкова. В мае 1880 г. Комитет министров по настоянию К.П. Победоносцева принял меры по пресечению деятельности Общества духовно-нравственного чтения, созданного в 1876 г. и проповедавшего в духе протестантизма. Вдохновитель создания Общества Г. Редсток был выслан из России, а его сподвижник полковник В.А. Пашков отправлен в ссылку. Деятельность свою он, однако, не прекратил и в 1884 г. был выслан уже за границу. С разрешения Александра III он вскоре вернулся. Но в 1887 г. К.П. Победоносцев настоял на окончательном отъезде В.А. Пашкова из страны.

Помимо частных мер по борьбе с сектанством Синод при К.П. Победоносцеве пробовал подвести под свою деятельность надежную юридическую базу, т.е. пересмотреть закон 1883 г. Возможность этого пересмотра обуславливалась отсутствием закона о классификации сект. В результате Комитет министров в 1894 г. предоставил право министру внутренних дел по соглашению с обер-прокурором Синода объявлять штундистов «особо вредной» сектой. Появившийся в этом же году циркуляр министра внутренних дел содержал определение штунды как секты, которая подрывает начала православной веры, не признает государственной власти и восстает против военной службы (3).

В данном случае создавался прецедент для возвращения вероисповедной политики к временам Николая I и полного торжества в ней консервативного принципа. Этого, однако, не произошло. Сам К.П. Победоносцев вынужден был признаться в своих письмах Н.И. Субботину, что дела о старообрядчестве и сектанстве встречали сильную оппозицию Сената, Государственного совета, а при В.К. Плеве – и министерства внутренних дел (4).

Подводя итоги, следует отметить, что наличие в вероисповедной политике Российской империи двух противоположных принципов приводило, как правило, к неудачной попытке их сочетания или к простому утверждению

консервативного принципа (что сопровождалось усилением отрицавшего религиозную свободу политического режима). В результате представители неофициальных религиозных движений, попадавших под категорию сект, вплоть до 1905 года не имели фактически никаких гражданских прав. Только последовательное утверждение принципа свободы совести могло стать выходом из этой проблемы. Но конфессиональный принцип, лежащий в основании государственной системы, не допускал этого.

1. В.В. Двадцать лет законодательных реформ // Христианское чтение. 1886. №3-4. С.486-487.
2. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т.14. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 60.
3. Кони А.Ф. Штундисты // Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т.1. С.539-559.
4. К.П. Победоносцев – Н.И. Субботину. 30 декабря 1893 г., 30 апреля 1899 г. и 18 апреля 1903 г. // ЧОИДР. 1915. Кн. 1. С.590, 614, 615, 645.

Крайнов Г.Н.

(Бирск)

Методология изучения современной многопартийности в аспекте политической модернизации России

Политическая модернизация - это возрастание способности политической системы адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих не только контроль над ресурсами, но и каналы для эффективного диалога правительства и населения, формирования гражданского общества. Одной из **характерных черт политической модернизации является** рост уровня участия населения в политике посредством предоставления и реализации избирательных прав, создания и деятельности политических партий (в том числе оппозиционных), способность политической системы аккумулировать претензии и требования различных социальных групп и создавать политические институты для регулирования протекающих общественных процессов (1).

Возникновение института многопартийности (институционализация) - один из важнейших признаков становления правового государства, гражданского общества и их **политической модернизации**. Если прибегнуть к аналогиям с экономикой, можно сказать, что **многопартийность играет в политической системе ту же роль, какую рынок играет в системе производства**. Подобно тому, как рынок создает механизм обратной связи